

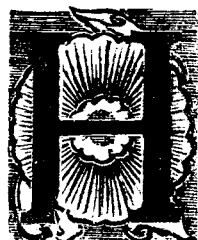

СТАТЬИ.

К истории революционного движения и политической ссылки в Вологде.

(По поводу „Воспоминаний“ А. В. Луначарского и И. Е. Ермолаева).

Ан. Тарутин.

Наш Северный край, так же, как и Сибирь является на всем протяжении самодержавия „страной изгнания“. Среди многих тысяч политических деятелей, пребывавших здесь за последние 40—50 лет, были не только выдающиеся революционеры, но и видные вожди революционного и социалистического движения. Из числа последних Север видел на своей территории П. Лаврова, Н. Шелгунова, Г. Лопатина, А. Богданова-Малиновского, А. Луначарского, Веру Фигнер.

Безусловно, пребывание здесь целой армии революционеров не оказалось безрезультатным. С другой стороны, в центрах Севера (Архангельск, Вологда, Устюг) не переставали существовать, начиная с 70-х годов, и свои местные революционные кружки и организации. Благодаря тому и другому обстоятельству, революции 1905 и 1917 годов нашли себе здесь дружную поддержку, в особенности в Вологде; последняя дала революции ряд крупных деятелей не только из среды революционной интеллигенции, но и из среды рабочих и даже крестьян, распропагандированных преимущественно эс-эрами вокруг кооперации.

И, тем не менее, материалов, как по истории местного революционного движения, так и по истории политической ссылки появилось у нас в печати пока крайне мало. Если не считать книжку Ильинского: „Архангельская ссылка“, изданную лет 12 тому назад, то весь этот материал, касающийся, по крайней мере, Вологодского края, исчерпывался до половины прошлого года несколькими небольшими газетными и журнальными статьями и заметками. Следует, впрочем присоединить сюда 8-ю главу из книги И. П. Коробицина ¹⁾, специально посвященную „Вологодскому Централу“ (1909—1911). Оговариваемся при этом, что мы имеем в виду исключительно период до 1917 г.

Лишь в самое последнее время, в книгах 1, 2 и 3—4 журнала „Север“ за 1923 г., последовательно появляются мемуары, целиком посвя-

¹⁾ „Из мрака каторги“, 1905—1912 г.г. Харьков. 1922.

щенные интересующему нас вопросу: „Записки“ Н. И. Иваницкого (конец 60-х и начало 70-х г. г.), „Из Вологодских воспоминаний“ А. В. Луначарского (1902—1904), „Мои воспоминания“ И. Е. Ермолаева (1896—1912).

Имея в виду, что указанными работами широко, несомненно, воспользуются будущие историки полит. ссылки и революц. движения на Севере, я считаю полезным для дела отметить некоторые существенные пробелы в воспоминаниях авторов и указать на ряд допущенных ими неточностей и ошибок. При этом я буду касаться только воспоминаний Луначарского и Ермолаева, т. к. время Иваницкого мне совершенно неизвестно, разве только по рассказам современников.

Итак, начну с „Воспоминаний“ А. В. Луначарского.

В первой главе своей книги „Великий переворот“ (Октябрьская Революция), гл. I-я¹⁾, где А. В. Луначарский последовательно излагает историю своего—кстати сказать, необычайно богатого партийного прошлого, он не менее подробно, чем в „Вологодских воспоминаниях“, описывает и историю своей вологодской и тотемской ссылки. Отсюда же видно, что Луначарский был выслан за свою интенсивную работу в Калуге не в Вологду, а в Вятку. Самовольно остановившись в Вологде, где у него оказалось не мало друзей и партийных товарищей по работе в Киеве и Калуге, он подал министру Плеве мотивированную записку с просьбой оставить его в Вологде. Просьба была к „приятному удивлению“ А. В. удовлетворена. Очевидно, А. В. придает своему пребыванию в Вологде не только большое личное, но и политическое значение. В своем „Великом перевороте“ он прямо заявляет, что его литературно-публицистическая деятельность началась именно в Вологде (стр. 26).

Между прочим, в своих „Воспоминаниях“ А. В. почему-то вовсе не упоминает о задуманном в Вологде Богдановым и Суворовым, весьма ценном и имевшем соответствующий успех, сборнике—„Очерки реалистического мирозерцания“ (Сборник статей по философии, общ. науке и жизни. П. Б. 1904 г.). Он только, как бы мимоходом, упоминает, что в Тотме им написаны были, по инициативе (?) тов. Суворова, „Очерки позитивной эстетики“. Здесь т. Луначарский неправильно называет свою работу: в сборнике она названа „Основы“ etc., а не „Очерки“. Следует заметить, что сборник этот был составлен в ответ на сборник противоположного лагеря, вышедший под названием „Проблемы идеализма“. Считаю нелишним привести здесь и список авторов „Сборника“: С. А. Суворов, А. В. Луначарский, А. А. Богданов (Малиновский), А. Финн, П. Маслов, П. Румянцев, Н. Корсак, Н. Шулятиков и Б. Фриче. Отмеченные курсивом—вологодское редакционное ядро.

Пребывание Луначарского в Вологде дало большой толчок местному с.-д. движению. Если в вологодской колонии полит. ссыльных начала настоящего столетия и среди тесно примыкающей к ней немногочисленной, правда, радикальной молодежи и интеллигенции были колеблющиеся на пути к материалистическому мировоззрению, то под непосредственным влиянием Луначарского, Богданова и Суворова эти лица определенно перешли в лагерь марксистов. Именно под влиянием этих товарищей в Вологде появились первые местные социал-демократические ячейки среди

¹⁾ ПБ. 1919. Изд. Гржебина.

учащейся молодежи, приказчиков, фельдшеров, народных учителей¹⁾, а также и среди рабочих.

„Вологодские воспоминания“ А. В. кончает так: „В конце 1904 г. мой срок истек, и на большом пароходе по Сухоне мы²⁾ поехали в Вологду, а оттуда на Юг, в Киев, и дальше за границу“. Здесь автор явно ошибается. В Вологду он вернулся не в конце 1904 г., а в конце весны 1904 г. и вскоре выехал на Юг, а оттуда, в конце 1904 г., за границу, что видно из книги „Великий переворот“ (стр. 30).

Ценным и пространным дополнением к „Воспоминаниям“ А. В. Луначарского являются „Мои воспоминания“ И. Е. Ермолаева, помещенные в 3—4 книге того же журнала „Север“. На фоне автобиографического материала, автор дает довольно подробную, но далеко не всегда равномерную картину местного революционного движения с конца прошлого века по 1912 год, затрагивая попутно и жизнь вологодской колонии политических ссыльных.

Что касается фактической стороны воспоминаний, то здесь, как современник автора и активный участник переживаемой эпохи, я не могу не внести в передаваемый им фактический материал кое-какие дополнения и поправки.

Прежде всего, я не могу согласиться с утверждением автора, что на собраниях вологодской колонии ссыльных дебатировались вопросы „более или менее академического характера и потому не вызывали страстного отношения“. Напротив. Так как референты и докладчики принадлежали к различным лагерям, хотя и социалистическим, то, вполне естественно, доклады и на отвлеченные темы приводили, в процессе прений, к животрепещущим вопросам политики и служили поводом к горячим схваткам. А простые товарищеские беседы кончались горячими спорами постоянно. Сам же т. Ермолаев говорит, и это было так,—что „Вологодская ссылка представляла, можно сказать, квинт-эссенцию партий с.-р., с.-д. и к.-д.“³⁾ (?). Правда, до приезда т. Луначарского споры не протекали так бурно, как при нём, но и до него, при наличии таких непоколебимых последователей большевизма, как А. А. Богданов и С. А. Суворов, о мирном характере указанных собраний не могло быть и речи. С приездом же т. Луначарского борьба между представителями двух течений—субъективистов (Н. А. Бердяев) и материалистов (А. В. Луначарский и др.)—достигла своего апогея. Не надо при этом забывать, что Бердяев „с изяществом его речи и широкою культурностью уже успел подкупить ссыльных и крутившуюся вокруг них молодежь“⁴⁾. Кончилось тем, что влияние Бердяева вскоре ослабло, и он даже перестал посещать диспуты.

Точно так же, принимая во внимание все вышеизложенное, я уж совершенно не могу согласиться с утверждением автора, что „большинство трактовавшихся тем было трудно для понимания публики“.

Затем, т. Ермолаев пишет, что манифест 17 октября 1905 г. „был встречен в Вологде большим ликованием большинства населения“, и что

¹⁾ Совершенно в стороне от движения остались учителя средн. школ, эти чеховские „человеки в футляре“.

²⁾ А. В. возвращался из Тотьмы с женой Анной Александровной, сестрой А. А. Богданова-Малиновского, на которой он женился в Вологде.

³⁾ Были ли тут к.-д., я утверждать не берусь; во всяком случае, они не выявляли себя, как таковые.

⁴⁾ А. В. Луначарский. „Из воспоминаний“, стр. 1.

даже „многие социалисты готовы были кричать: ура, император“! Я категорически отрицаю то и другое утверждение т. Ермолаева. Дабы не быть голословным, я позволяю себе, хотя кратко, остановиться на этом историческом моменте, который, кажется, еще ни разу не был освещен в печати.

18 октября днем, в культурно-просветительном обществе „Помощь“ должно было состояться общее собрание членов, и я, как член правления, направился в Народный Дом (ныне Дом Революции), принадлежавший обществу, ранее других. Еще по дороге я встретил знакомого, который передал мне слух об издании манифеста. В Нар. Доме я нашел уже значительное количество публики, которая оживленно обсуждала этот слух. Нашли, что следует немедленно выяснить, в чем дело, и тут же решили послать к губернатору, помнится, Н. П. Брюханова и К. Н. Левина, полит. ссыльных, с просьбой дать документ, сообщающий об издании манифеста. Указанные товарищи немедленно поехали и через полчаса привезли полученную губернатором телеграмму, где сообщалась сущность манифеста. Публика продолжала прибывать. Телеграмма была громко прочитана, и переполненный зал отвечал радостным волнением, однако никто не выразил своего восторга. Только один гражданин—помню хорошо—А. В. Рождественский (секретарь У. З. Управы)—вскочил с места и прокричал: „Да здравствует конституция“!

Но возглас этот остался одиноким.

Тотчас же на трибуне появились левые ораторы, и публика с радостным замиранием слушала их первый публичный и свободный призыв к дальнейшей борьбе. Я не помню, кто говорил первым, кажется, кто-то из ссыльных.

„Товарищи!—покрыл его голос гул толпы,—пролетариат победил. Но это только начало победы. Самодержавие еще живо, но оно должно быть сметено без остатка. Вперед на борьбу!“

В тот же день вечером в Нар. Доме состоялся митинг при совершенно переполненном зале. Одновременно на балконе зала состоялся митинг учащихся средних школ. Митинги шли чуть ли не ежедневно, устраиваемые с.-д., с.-р. и к.-д., чаще первыми. В начале митингов пробовали было появляться представители полиции, но их, как и других подозрительных лиц, немедленно выпроваживали.

Не дремали и черносотенцы. Повидимому, они решили жестоко отомстить „мятежникам“ и задумали, окруживши Нар. Дом, или расстрелять толпу, или поджечь здание.

В конце октября, поздно вечером, когда митинг был в разгаре, и зал был буквально битком набит самой разнообразной публикой, на сцену явился полицмейстер Дробыш-Дробышевский и умолял членов правления об-ва „Помощь“ и президиум митинга немедленно распустить собрание, ибо Нар. Дом окружается густыми толпами черносотенцев, и столкновение неизбежно; он ссылался также на бессилие находящегося в его распоряжении полицейского отряда.

Дабы не волновать публику, мы увели полицмейстера в соседнюю комнату и категорически отказались последовать его предложению, считая эту уступку невыгодным для нас прецедентом и рассчитывая на свои собственные силы (при многих были револьверы) и на помощь расставленных около Нар. Дома наших вооруженных дружинников. Полицеймейстер не на-

стаивал более, но просил объявить публике, чтобы она расходилась в сторону Пятницкой улицы, оберегаемой полицией, но не в сторону Винтеровского моста, где уже засели банды черносотенцев. Так и сделали. Однако без столкновения не обошлось. Были раненые, и была убита какая-то девушка.

Из руководителей черносотенцев т. Ермолаев указывает только на одну Анну Караулову, „председательницу“ какой-то там „палаты“ или Союза Русского Народа; не лишне будет указать и на других, например, чиновника Пчелкина, кажется советника Губ. Правления.

Так или иначе, Народный Дом превратился в очаг революции и оставался таковым вплоть до 1 мая 1906 г., когда чернь во главе с конными стражниками, предводительствуемыми жандармским ротмистром Пышкиным¹⁾, превратила его в голые обгорелые стены.

Так было дело. В дальнейшем т. Ермолаев излагает ход событий более или менее правильно, если не считать некоторых преувеличений. Так, число „оперировавших“ 1 мая 1906 г. стражников было не более 200, а число убитых граждан не более двух, в чем я убедился лично, посетивши в конце этого кошмарного дня барак губ. больницы, вплотную занятый тяжело ранеными. Меня сопровождал рабочий, слесарь Е. А. Афанасьев²⁾, известный старый работник с.-д. партии, проживавший тогда в Вологде нелегально и часто у меня ночевавший. Кстати, это и был тот „старик“, который говорил в тот же день речь на загородном первомайском празднике, и фамилию которого И. Е. забыл (стр. 20).

Далее. Среди лиц, вошедших в соц.-дем. комитет 1906 г., автор называет т.т. Франца и Семена. Товарищи эти были: Ник. Георг. Козьмин и Влад. Конст. Селиванов, много поработавшие по организации револ. движения в городе.

Что касается отношения вологодских соц.-демократов к выборам в Госуд. Думу, то я, к сожалению (как и тов. Ермолаев), не помню отчетливо, в чем оно выразилось. Кажется, выборы в первую Думу были бойкотированы, а в последующих выборах принимали участие как соц.-дем., так и соц.-рев. По крайней мере, на одном из избират. собраний в гор. театре я выступал вместе с другими товарищами, а в 1912 году на моей квартире состоялось одно из подготовительных собраний к выборам, на котором, кроме меня, были: В. Н. Трапезников, М. Е. Пономарев, Венгеров (сын изв. историка литературы), В. И. Мохов (рабочий) и еще один рабочий, фамилии которого не помню. Кстати, В. Н. Трапезников вышел из состава волог. с.-д. организации не в 1918 г., как пишет Ермолаев, а в конце весны 1917 г., после резких нападков на него т.т. Саммера, Элиавы и др., указавших на ряд допущенных т. Трапезниковым нарушений партийной дисциплины. Следует признать однако, что т. Трапезников был выдающимся политическим деятелем — прекрасным оратором, широко образованным человеком, с большой инициативой, но обладал крайне упрямым, не „артельным“ характером.

Встречаются в „Воспоминаниях“ и такие вещи, которые можно бы и вовсе выкинуть. Так, автор указывает на какого-то студента Золотова

¹⁾ Переведенный вскоре в Екатеринбург, Пышкин был убит во время уличной схватки с народом.

²⁾ См. о нем, между пр., „Былое“, 1916 г., кн. 11 и 12; „Былое“, 1907 г., кн. 5, и мою статью: „Первый первомайский праздник в Вологде“, „Красный Север“, 1922 г. № 96.

знавшего „Капитал“ Маркса наизусть... Я утверждаю, что за этот период студента Золотова в Вологде не было вовсе, и что студент, обладавший столь феноменальной памятью,—миф.

А вот ученик выпускного класса Реального училища Сергей Золотов —это уже не миф, а подлинная героическая личность. Золотов, чуткий и свободолюбивый юноша, возмущенный реакционной воспитательной политикой директора Поморского, решил в компании с такими же самоотверженными и наивными товарищами убить Поморского. Бросили в квартиру директора бомбу; бомба разорвалась, но жандарм от просвещения остался цел, а юношей посадили в тюрьму. Просидевши здесь более года по приговору кроважного царского суда, Золотов погиб от чахотки. Это было в 1911—12 году.

И еще мелочь. На стр. 3-й т. Ермолаев пишет, что в работе библиотеки, принадлежавшей местной нелегальной организации молодежи, кажется, принимал участие А. А. Тарутин. Здесь тов. Ермолаев ошибается; я знал о существовании этой биб-ки, кажется, от А. В. Мальцева, но членом ее не состоял. Быть может, автор имел в виду моего брата Ал. А. Тарутина? Следует сказать мимоходом, что подобные нелегальные библиотеки, начиная с конца 60-х годов, никогда не переводились. Когда-то я тоже был членом и даже учредителем подобной б-ки, но это было давно, более 40 лет назад¹⁾.

„Воспоминания“ Ермолаева, хотя и охватывают довольно продолжительный период времени, однако совершенно замалчивают целый ряд крупных событий и характерных явлений этой интересной эпохи. Многое, очевидно, или забылось автором, или находилось вне поля его зрения. Но, быть может, автор сознательно игнорировал окружающую его так наз. обывательскую среду.

В таком случае он был неправ, как неправы были и те, которые предпочитали вариться в собственном профессиональном или партийном соку и игнорировали эту среду, ибо в последней в предреволюционный период совершалось много такого, что заслуживало серьезного внимания революционера и требовало от него активного вмешательства в целях влияния и руководства. А то, что совершалось тогда в обывательской среде, по крайней мере в наиболее культурной ее части, характеризовалось двумя моментами: ростом общественного сознания и самостоятельности и ростом ненависти к злейшему врагу того и другого—царскому самодержавию.

Так или иначе, И. Е. Ермолаев ничего не говорит о деятельности крупного культурно-просветительного общества „Помощь“. Скромно начавши свою деятельность в 1892 году, организация эта быстро расширяла и углубляла свою работу, распространяла ее на всю губернию и превратилась к 1904 году в своего рода местное „министерство“ внешкольного образования. В 1904 г. об-во „Помощь“ уже открыто начало порывать с регламентирующими и стесняющими его работу правительственными „положениями“ и „циркулярами“, а в 1905 г. становится вместе с своим Народным Домом (ныне „Дом Революции“) во главе местного массового революционного движения. Разгромленное чернью 1 мая 1906 года, об-во „Помощь“ вскоре же реставрировало частично свой Народный Дом и во-

¹⁾ Мне и товарищам удалось тогда объединить до 150 чел. учащихся в ср. школах Вологды. На ряду с библиотекой мы имели кассу взаимопомощи, читали рефераты и т. д.

зобновило свою деятельность, но в июне 1907 года было окончательно закрыто губернатором Хвостовым после обыска, произведенного в Народн. Доме известным „чиновником особых поручений“ Лиховидовым. Четыре члена об-ва: Надежин, А. С. Тур, Н. Ф. Можжевелов¹⁾ и А. А. Тарутин были посажены на 3 месяца в тюрьму.

Спустя несколько лет, организованная культурно-просветительная работа в Вологде вновь возобновилась обществом „Просвещение“. Но это была уже чисто пролетарская, рабочая организация; наиболее влиятельными ее руководителями были рабочие К. П. Хлюстов, П. Н. Александров и В. И. Мохов; из интеллигенции участвовали в об-ве очень немногие; ближе других стояли к работе С. Н. Прибытков и А. А. Тарутин.

Точно так же, автор ничего не говорит о видной роли Вологодского жел.-дор. узла в деле всероссийской октябрьской забастовки и о ярко-оппозиционных выступлениях, начиная с конца 1904 г., Вологодской Городской Думы и Волог. Губ. Земск. Собрания. Приведу наиболее характерные факты этого рода.

Уже в декабре (если не ошибаюсь) 1904 года Гор. Дума, почти сплошь буржуазная по своему составу, прервала свои занятия, в знак протеста против политики губернатора, нарушившего, по мнению гласных, права гор. самоуправления. Вновь избранная Дума оказалась еще более оппозиционной, и когда, летом 1905 года, ей было предложено обсудить „способы к усовершенствованию гор. управления“, то комиссия из гласных, избранная для этой цели, отказалась от своей работы, после того, как губернатор не согласился допустить в состав комиссии представителей нецензовых элементов населения. Большая толпа граждан собралась перед Гор. Думой с требованием этого участия, но была рассеяна полицией; приезжал сам губернатор и увещевал толпу. Позже, однако, в январь-апрельские дни 1906 года, представители населения и политических ссыльных не раз выступали в Думе с чисто революционными речами. Та же Гор. Дума послала в Гос. Думу (первого созыва) мотивированный доклад-требование о немедленном созыве учредительного собрания по четырех-членной формуле; она же делегировала своих представителей в местные тюрьмы приветствовать политических заключенных, как борцов за свободу; она же принимала участие в организации и вооружении нар. милиции, за что представители Гор. Управы и судились.

Что касается Губ. Зем. Собрания, то оно, узнав о расстреле петербургских рабочих 9 января 1905 года, „удрученное и возмущенное“ этим зверством царского правительства, прервало свои занятия до весны.

Не лишне было бы также указать на возникшую в Вологде в 1902 г. довольно многочисленную политическую группу „Освобождение“. Группа расплылась в 1904 году, после того, как большинство членов ее перешло в только-что организованную партию конституционалистов-демократов (к.-д.).

Очень уместно было бы также рассказать в революционном мемуаре и историю 1-го большого массового выступления вологжан на похоронах полит. ссыльного Иосифа Хейзенавили, происходивших 19 апреля 1906 г. Позволяю себе, хотя кратко, изложить эту историю.

Хейзенавили был рядовой работник революции, но преждевременная смерть молодого борца вдали от благодатного Юга, в те дни, когда

¹⁾ Очень деятельный с.-р.

многострадальная страна начинала было переживать медовые месяцы свободы, натолкнула на мысль устроить ему демонстративные похороны. И это удалось сделать с таким успехом, на какой организаторы похорон и не рассчитывали. На похороны вышло почти все взрослое население города, в количестве не менее 10—12 тысяч.

Процессия заняла большую часть 6. Московской улицы, направляясь от губ. больницы к Введенскому кладбищу. Перейдя Новый мост, толпа выкинула красные флаги. Музыка и хоры попеременно исполняли похоронный марш и революционные песни. На кладбище говорились зажигательные речи. Одни ораторы призывали к беспощадной борьбе, другие трогали до слез... Возвращаясь, демонстранты увидели нечто совершенно неожиданное: на стенах каторжной тюрьмы стояли десятки политических заключенных и размахивали красными флагами. Такие же флаги развевались из окон камер. Тогда толпа вплотную подошла к тюремным стенам, и начались взаимные приветствия...

Полиция все время отсутствовала. Кажется, это входило в условия между организаторами и администрацией, разрешившей похороны. Тем не менее, администрация привлекла устроителей похорон к судебной ответственности, и последние выдержали длительное тюремное заключение.

В конце своих воспоминаний И. Е. Ермолаев оговаривается, что „они несистематичны, неполны, что в них нет другого плана, как хронологического, много личного“, но он надеется, что товарищи, которые будут писать историю вологодской ссылки и рев. движ. в Вологодской губернии, дополнят его воспоминания, „кое-что изменят в них, исправят, уточнят“.

Кажется, я первый откликнулся на призыв товарища. Я сделал то, что мог, что вспомнилось, что не забылось в вихре событий эпохи, которую я имел счастье активно переживать.

А теперь, кончая свои заметки, я нахожу необходимым еще раз подтвердить, что воспоминания обоих товарищей—А. В. Луначарского и И. Е. Ермолаева—в общем фактически правдивы, интересны, ценны, как исторический материал, и могут послужить для будущего историка революции на Севере,—как, смею думать, и мои комментарии и воспоминания,—канвой для объективно-научного исторического труда.

Февраль
1924 г.

